

ДЕШЬ
ПОСЛЕ СМЕРТИ
КОНСТАНТИН КОСТИН

18+

Константин Александрович Костин
День после смерти
Серия «Легат Триумvirата», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56600451

SelfPub; 2026

Аннотация

Продолжение приключений посланника особых поручений Триумvirата баронессы Талагии. На этот раз ей противостоит мертвяк, досаждающий жителям замка, хозяином которого он некогда был...

Обложка создана при помощи нейросети "Шедеврум".

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Константин Костин

День после смерти

Глава 1

Талагия не любила пышных заведений. Не из скромности – из отвращения. Там, где благородство притворялось добродетелью, а женщины пахли розовой водой и страхом, ей становилось дурно. Империя Церетта, будто гниющая рана, источала смрад патриархата: женщин здесь терпели в спальне, на кухне или в детской – но только если они не смели дышать громче, чем положено.

Если женщина носила штаны вместо платья – в ней видели либо шлюху, либо ведьму. А уж если к поясу пристегнут клинок... Выбор для обывателя становился того проще!

За спиной баронессы шептались, опуская глаза, будто боялись, что она услышит. В прежние времена, когда власть Магистерия была больше – Талагию сожгли бы на костре. Сегодня – лишь косились, будто она уже горела, только пепел еще не осыпался.

Лю Ленх пила в «Ржавой подкове» – кабаке в ремесленном квартале Матогры, где запах баранины, пота и глины с гончарных мастерских был честнее любого двора. Здесь ни-

кто не требовал от нее быть «дамой». Здесь ее, в пыльном плаще, с подтеками засохшей грязи на сапогах и синяком, цветущим на скуле, принимали за ту, кем она была на самом деле: странницей, уставшей от дороги и зубастых тварей.

– Эля! – хлопнула легат по стойке, и мышцы в плече и спине отозвались тупой болью. Речной тролль на мосту достался недешево: три ребра, пара глубоких царапин от когтей и усталость, въевшаяся в кости, как ржавчина в сталь.

Трактирщик – типичный, как и все его собратья: чуть полноват, с глазами, привыкшими ко всему, в застиранном фартуке – обернулся. Глаза – вежливые, но настороженные. Узнал.

– Свежее? – спросила посланница Триумвиров, хотя уже знала ответ.

– Как всегда, госпожа, – пробормотал хозяин, наливая кружку.

Пены – как обычно – выше половины. Лю Ленх могла бы возмутиться. Но не стала. Не сегодня. Сегодня ей хотелось не справедливости, а покоя. Пусть даже поддельного, купленного тремя кружками кислого эля.

Талагия села у стойки, откинувшись на стуле, будто ее плечи держали не кости, а обломки брони.

Первая кружка ушла медленно. Легат пила, уставившись в мутную пену, словно пытаюсь разглядеть в ее узорах ответы на вопросы, которые боялась задать самой себе. Вторая – быстрее, одним долгим глотком, смывая с языка привкус

дорожной пыли и болотной тины. Третья – почти залпом, с каким-то отчаянным вызовом.

Пиво было традиционно поганым, отдавало тряпкой, которой только что вытерли пол, но не настолько поганым, чтобы его вылить. Тараканы, впрочем, с потолка не сыпались – мелочь, за которую можно благодарить Темнейшего.

С дальнего конца зала, из угла, где коптился потолок от чадающих лучин, выползал звук волынки – гномьего инструмента, чей вопль мог разбудить мертвеца и насмерть напугать живого. К нему подвывали скрипка, похожая на крик раненой птицы, и флейта с простуженным горлом.

Не мелодия – пытка. Тонкая, пронзительная, будто кто-то точил нож прямо у виска.

Но после третьей кружки тягучий вой волынки перестал резать слух. Он стал похож на далекий стон ветра в горном ущелье – тоскливый, но свой. Или это просто эль начинал свою коварную работу, обволакивая сознание ватной пеленой.

В таверне прибавилось народа. Синий табачный дым, густой и едкий, опустился до уровня глаз, касаясь ее черных локонов. Где-то за спиной слышался дробный стук игральных костей.

– А вот у нас, в горах! – прорычал чей-то хриплый голос. Талагия медленно обернулась.

Степной карлик. И не просто гном – настоящая гора мяса и костей, на голову выше иных горцев, с носом, перекручен-

ным, как корень старого дуба, и бородой, в которой застряли куски глины с медным блеском. Определенно – гончар. И судя по тому, как он хлопал огромной, покрытой мозолями ладонью по столу, заставляя подпрыгивать кружки, – дошел до той стадии опьянения, где исчезает страх и просыпается отвага.

– У нас в горах! – вновь произнес бородач, так стукнув кружкой по столу, что пена плеснула на соседа.

Талагия усмехнулась. Какие там у них, в равнинах, горы? Холмики, слегка подсохшие от жары и обиды.

Степные и горные карлики издревле не то чтобы враждовали – скорее, терпели друг друга, как две болезни в одном теле. Не братья, но и не чужаки. Просто – разные. Горные, выкованные в недрах Ротаргарда, считали себя истинными сыновьями Всеотца: кузнецы, ювелиры, механики, чьи руки знали цену стали и золота. Они были крупнее, богаче и, что важнее всего, – упрямы в своей правоте.

Степные же, выросшие под бескрайним небом, где ветер точил душу, а не камень, – славились лишь гончарным делом. Их глина пела, их кувшины хранили прохладу даже в самую лютую жару... но миром правила не глина, а железо и золото. Так было. Так есть. Так будет.

– У нас в горах! – повторил гончар, уже с вызовом, будто пытался вбить в чужие уши гвоздь, которого у него самого не было.

Что там у них в горах – он, поди, и сам не знал. Да и не

хотел знать. Ему нужно было лишь одно: чтобы эти проклятые пещерные выскочки перестали смотреть свысока. Чтобы хоть раз услышали: в степях тоже есть горы! И эти горы – настоящие, скалистые, суровые, пусть их никто, кроме него самого, никогда не видел! Услышали – и не рассмеялись в ответ.

Гномы за соседними столами переглянулись. Обычного степного карлика они бы задушили взглядом, а если бы заговорил – вырвали бороду по волоску, начиная с самых светлых. Но этот... этот был выше многих горных. Широкий, как винная бочка, с лапищами, способными расколоть череп одним хлопком. Навалятся все – да, сомнут. Но первые двое-трое точно останутся без зубов, а может, и без жизни. А потому никто не спешил быть первым. В конце концов, Всеотец сотворил всех карликов в одной кузне, хоть и из разной руды – и даже пьяный забияка все еще брат.

А тот, между тем, нарочно нарывался. Есть такие, для которых хмель – лишь горючее для драки. Для них отдых начинается только тогда, когда кровь уже льется, а выбитые зубы хрустят под сапогами.

Талагии драка была не нужна. Сегодня она свое уже получила – три ребра, царапины от когтей, усталость, вьевшаяся в кости, как ржавчина в сталь. Гномы, что степные, что горные, свято чтя древний устав, носили килты. И когда все начнется – килты взлетят, и в воздухе замелькают волосатые промежности, от которых даже у Темнейшего мурашки по-

бегут.

Благородной даме такое зрелище ни к чему. Приснится потом – и не отвяжешься.

– Вот в наших-то горах... – протянул балагур, уже с сомнением и обидой в голосе.

Он начал понимать: никто не клюнет. Ни горные, ни люди. Даже волынщик притих, будто почуял, что шутка зашла слишком далеко.

Талагия облегченно выдохнула. Потасовка отменяется.

Трактирщик, до этого яростно терший кружку, словно пытался стереть ее в прах, тоже чуть расслабил плечи. Меньше драк – больше целой посуды. А целая посуда – это меньше убытков. А меньше убытков – та же прибыль.

Но тут...

– Ой, в ваших горах? – раздался насмешливый голос из дальнего угла. – Какие там у вас горы?!

Воцарилась гробовая тишина. Даже волынка, эта вечная спутница гномьих печалей, захлебнулась на полузвуче, будто подавившись. Все как один уставились на безумца, обрекшего себя на страдания.

Из тени поднялся гном – не просто гном, а барон. Борода заплетена в три косы, каждая перевита серебряной нитью. Килт – сине-зеленый, в клетку, с вышитыми золотыми нитками: в каждой зеленой клетке – скрещенные кирка и молот, опоясанные баронской цепью. На пальцах – тяжелые перстни с камнями, на ногах – сапоги с серебряными пряжками,

отполированными до блеска.

Этот был не просто пьян. Он был пьян, знатен и оскорблен до глубины своей каменной души. Этот не отступит. Это – честь. А честь для горного гнома дороже жизни. Побойща не миновать.

Люди потихоньку попятились к выходу. Им здесь не место. Это не их ссора. Пусть бородатые сами разбираются, кто чьи горы выше, а кулаки – тяжелее.

Забияка растерялся.

– У нас горы... – пробормотал он, и голос его дрогнул, как пламя на сквозняке.

Если он и собирался сказать что-то про Великие Горы не менее Великих Равнин, то теперь благополучно забыл. А может, слов не было вовсе – дальше пустого трепа планы степного горлопана никогда не заходили.

– Да у нас такие горы! Всем горам горы! – выпалил бородач на одном дыхании, будто выплюнув кусок глины, застрявший в горле.

Тишина, и без того гробовая, обернулась мертвецкой. Замерла даже капля на подтекающем кранике пивной бочки – повисла, словно боясь вызвать лавину. Пламя свечей вытянулось в тонкие струны, прекратив свой танец. Воздух сгустился, стал вязким, как студень из орочей похлебки. Напряжение в зале повисло столь плотно, что его можно было нарезать ножом.

Горный гном хмыкнул. Медленно, нарочито громко глот-

нул остатки пива и поставил кружку на стол с таким стуком, будто положил на весы чью-то жизнь. Он давал дебоширу время – не на раскаяние, нет. На принятие неизбежного.

– Госпожа! – прошептал трактирщик, перегнувшись через стойку так, что его лицо оказалось в ладони от Талагии. – Госпожа, сделайте что-нибудь! Эти бородатые псы все мне тут разнесут!

Лю Ленх самой происходящее нравилось все меньше. Она знала, как это пойдет: за барона вступятся его сородичи, за гончара – степняки, и понеслась... Ремесленный квартал окунется в хаос мордобоя и крови на несколько дней, а трубы в сточных канавах будут смердеть еще неделю.

И все – из-за двух ослов, остатки мозгов которых утонули в эле.

У легата руки были в кровушке не по локти, а по самые плечи. Но она сражалась с нечистью – с тем, кто не просит пощады и не знает страха. С тем, кого можно убить с честью. А много ли чести в том, чтобы погибнуть от кулака пьяного глупца, который даже не вспомнит утром, за что дрался? Ни капли.

И такой смерти баронесса не желала никому. Даже этим упрямым, каменным головам.

Значит, ее интересы и интересы трактирщика совпадали. Но какая девушка упустит случай дать себя поуготоваривать? Даже если уже все решила? Дама поджала губы, изображая крайнюю степень задумчивости.

– Умоляю! – простонал хозяин, и в его голосе была не просьба, а мольба.

– Ладно, – сжалилась баронесса, притворно вздохнув, и тут же, не давая передумать, воскликнула на весь зал: – Элю всем! За мой счет!

– И мне элю за ее счет! – прорычал дебошир, уже забыв, за что собирался драться.

– И мне!

– И мне тоже!

Через секунду таверна загудела, как улей, в который тыкнули палкой. Ничто не примиряет лучше, чем дармовая выпивка и общий враг в лице скупости мира. Широкий жест был встречен громоподобным ревом одобрения, от которого задребезжали стекла в крохотных окнах. За столы вернулись не только беглецы – в дверь полезли новые любопытные, почуяв запах дармовщины. Народу прибавилось. Музыканты вновь затянули песню, теперь уже победную, а пестрая толпа подхватила напев, передавая друг другу кружки, расплескивая пену, стекающие в липкие лужи на полу.

Выходка гончара, если и не была забыта, то больше не казалась дерзостью — удачной шуткой, давшей повод для праздника. У горного народа был нерушимый закон: праздник продолжается до последней капли в бочках. Они пили до тех пор, пока не падали, и даже тогда продолжали – во сне, сквозь храп и сны о Ротаргардских горах.

Талагия же надеялась выспаться. А писк волынки, вопль

скрипки и хриплый хор пьяных голосов – худшая из колыбельных для странницы с трехдневной усталостью в костях и болью в ребрах. Печально, но придется искать другое место для ночлега.

Лю Ленх допила эль до дна, перевернула глиняную кружку вверх дном с сухим стуком – жест недвусмысленный и окончательный – и поднялась со стула.

– Госпожа... вы ничего не забыли? – трактирщик насто-рожился, его пальцы вцепились в край стойки, побелев в суставах.

– Ой, не стоит благодарности, – отмахнулась баронесса, уже поворачиваясь к двери.

– Я имел в виду... деньги...

– Деньги? – переспросила она, будто впервые слышала это слово. – Какие деньги?

– Как это – какие деньги?! – хозяин распахнул глаза, будто только что получил удар по почкам. – За ваш эль... и за... за все это! – он махнул рукой в сторону ревущей толпы, где уже звенели осколки первого кувшина.

– За это? – нахмурилась странница. – Так ты же сам просил сделать что-нибудь, пока тебе мебель не испортили!

– Но я же не это имел в виду! – возмутился мужчина, у него на лбу выступил пот. – Не за мой же счет! Так я и сам бы смог, коли на то пошло!

– Ну почему же за твой счет... – усмехнулась Талагия и, не спеша, вынула из-за пояса медный жетон – тусклый, но

узнаваемый даже в полутьме. – Счет отправишь в Церетт. Триумвирату. В приказ особых поручений.

Мужчина замер. Губы его шевелились, но звука не было – будто все слова утонули в страхе перед бумажной волокитой, которая растянется на год-два. Если не на пять.

– Да хранит Темнейший Империю, – произнесла лю Ленх на прощание.

– Покуда светят Солнце и Луна... – рассеянно ответил трактирщик, смахивая слезу со щеки.

Подхватив с пола грубый холщовый мешок, из которого сочилась на доски темная, почти черная кровь, баронесса направилась к двери. Мешок отдавал сладковатым запахом разложения – голова речного тролля не желала мириться со своей участью даже после смерти. За ней на полу остался кровавый подтек, медленно впитывающийся в щели между досками.

Вышла в ночь. Теплая, липкая, летняя ночь. Та, что не дает уснуть, а лишь накрывает одеялом из пота и воспоминаний.

Нет, будь она завсегдаем «Ржавой подковы» – заплатила бы. Деньги у легата водились. За себя – всегда платила. И Триумвират не был глух к стенаниям подданных. Просто... бюрократия – это тоже вид войны. Медленной, без крови, но не менее изнурительной. Счет проверят, сверят, утвердят... и выплатят. Через год. Через два. Через пять – если повезет. Но заплатят. Скорее всего...

Посланница особых поручений не могла не заметить, что следом за ней из кабака, приглушив ладонью звон колокольца на двери, вышел еще один человек. Небрежным движением – будто поправляя плащ – она откинула полу, обнажая рукоять меча. Затем занялась веревкой, медленно, почти лениво приторачивая мешок к седлу.

Но внутри – все напряглось, как тетива перед выстрелом. Чувства обострились до боли. Она слышала, как мотылек бьется в стекло – не шелестом, а громовым ударом крыльев. Видела, как мышь грызет объедки под фундаментом – хруст резал слух, как нож по кости. Чувствовала, как кот крадется сквозь тень – каждый царапающий шаг по утрамбованной земле отзывался скрежетом в зубах.

И, конечно, легат ощутила его. Одинокую тень, приближающуюся сзади. Сапоги скрипели кожей. Поношенные, но добротные. Не крестьянские – те рвутся раньше, чем стопчутся. Ремесленник на выход надел бы что-то новое. Солдат? Походка не та. Колдун? Тот не стал бы подкрадываться – шархнул бы заклинанием в спину, пока она возится с поклажей.

Кто же ты? Страница терялась в догадках. Пальцы ее, закончив затягивать узел, сами собой легли на шершавую обмотку эфеса. Она не обернулась. Ждала.

Подпустив человека поближе, посланница резко врезала локтем туда, где у нормального человека должен быть нос, и тут же добавила кулаком под ребра – коротко, точно, без

лишнего размаха.

Многие недооценивали Талагию, глядя на ее стройную фигуру. Эта хрупкость обманчива, как обещания вербовщика легиона. Силы у нее хватало, а там, где силы не хватало, вырвали скорость, точность и опыт.

Преследователь со сдавленным стоном осел на колени, выдавливая из легких последний воздух. А когда наконец смог вдохнуть – острое меча уже покачивалось у его горла, холодное и безжалостное, как взгляд Темнейшего.

– Не убивайте, госпожа, прошу вас! – прохрипел мужчина, не смея пошевелиться.

– А зачем подкрадываться, словно вор? – спросила странница, и в ее голосе не было ни злобы, ни жалости – только усталая раздраженность.

Кончиком клинка она раздвинула плащ незнакомца. Под ним оказался бело-голубой камзол – цвета дома лю Матогра.

– Ты, вообще, кто такой? – искренне удивилась лю Ленх, но убирать меч не торопилась.

– Я – Гук, госпожа. Сенешаль вдовствующей баронессы Ульрации лю Матогра! Не убивайте! Клянусь, я не хотел вас напугать!

– Подкрадывался, чтобы не напугать? – переспросила она и не удержалась – расхохоталась. Так громко, так бессовестно, что даже сова в вышине замерла в полете. Слуга покосился на странницу с осуждением. Не подобает благородной даме так смеяться, словно крестьянской бабе на ярмарке.

– Ну ты и шутник! – простонала Талагия, вытирая слезы. – Видать, у вас в Матогре юмор завелся – подкрадываться к легату сзади и просить пощады!

– Госпожа, прошу прощения... Я не знаю вашего имени, но в трактире заметил ваш жетон...

– И что с того? – буркнула баронесса, уже предвкушая: сборщики налогов жизни не дают, Магистерий забрал последнего сына в ученики. Замолвите словечко при дворе, спасите, помогите.

Гук понизил голос до шепота – такого, что услышала бы только сова... или оборотень:

– Моей госпоже нужна ваша помощь.

Как и ожидалось. Все они одинаковы.

– А мне нужно где-то переночевать, – сухо возразила лю Ленх. – Но я не пристаю к прохожим. Сама справляюсь.

– О, госпожа! – воскликнул сенешаль. – Если выслушаете баронессу Ульрацию – она разместит вас в лучших покоях замка!

– Так уж и в лучших? – недоверчиво прищурилась Талагия.

– Клянусь! Больше ничего не прошу – только выслушать. А если соблаговолите оказать услугу... это будет оценено отдельно.

– Я служу только Триумвирату, – процедила сквозь зубы легат.

Она подняла взгляд к небу. Растущая луна окрасилась в

красноватый оттенок, будто рана на черном полотне. Густые, тяжелые облака ползли по звездам, заглатывая их одну за другой. Воздух стоял неподвижный, густой и теплый, пахнувший пылью и дальним громом. Ни ветерка. Ни шороха листьев. Полный штиль – а это, как известно, предвестник бури. В такую ночь даже тени боятся выходить наружу.

Сколько еще искать трактир с целыми стенами и сухой постелью – неизвестно. А потому предложение Гука, каким бы подозрительным оно ни было, выглядело донельзя заманчиво.

– Лучшие покои, говоришь... – задумчиво повторила баронесса. Меч наконец скрылся в ножнах с тихим шелестом. – Ладно. Показывай этот свой замок...

– Это не мой замок, – уточнил слуга. – Родовой замок лю Матогра.

– Да, да, да-а-а... – зевнула лю Ленх, уже вспоминая, как в последний раз «лучшие покои» оказались сырым чуланом с крысами в углу. – Веди давай.

Она бросила последний взгляд на дверь «Ржавой подковы», из-за которой лился пьяный гул, и, взяв коня под узды, шагнула за Гуком в непроглядную, душную темень ночных улиц Матогры, где в окнах уже не светилось ни одного огонька.

Глава 2

Баронесса и сенешаль ступили во двор замка одновременно с первыми каплями дождя. Крупными, с размаху бьющими в пыль и оставляющими на ней темные, быстро исчезающие язвы, будто небо выдавливало из себя не воду, а слезы обнищавшего дома.

Владения хозяев Гука сразу вызвали подозрения. Двор быстро дичал: бурьян пробивался между треснувших камней брусчатки, цепляясь за сапоги. Штукатурка местами осыпалась, обнажая кладку, что, по слухам, была возведена еще при эльфах – когда мир был чище, а гномы только-только покинули кузню Всеотца. Одна из башен повисла в опасном наклоне, будто раздумывая – достаточно ли позора повидала она на своем веку, чтобы сложить кости в хиреющих руинах, или худшее еще впереди...

Прямо в центре внутренней площади сидела непомерно упитанная крыса. Она сверкнула глазами, полными надменного презрения, и демонстративно повернулась к пришедшим задом, давая понять, кто здесь истинный хозяин.

Похоже, и баронесса, и ее замок переживали явно не лучшие времена. Талагия брезгливо поморщилась, ощутив запах сырости и забвения. Обещание лучших покоев уже не звучало столь заманчиво. Но искать другое пристанище бы-

ло поздно. Небо сверкнуло молнией, обещая беспокойную ночь.

– Давайте я отведу коня в стойло, – поспешно предложил Гук, вцепившись в поводья так, будто боялся, что легат сейчас же прыгнет в седло и ускачет, послав и его, и вдовствующую баронессу к Грешным Магистрам.

А такое желание у странницы было. Она обернулась, оценивая расстояние до черных силуэтов Матогры, и с глухим стоном выпустила поводья. Выбор был уже сделан. Не спать же под этим небом, готовым разразиться ливнем!

Конюшня оказалась такой же унылой и полуразрушенной, но, по крайней мере, звезды не просвечивали сквозь крышу. Разместив скакуна, сенешаль провел баронессу по лабиринту темных коридоров в сердце замка.

Пыль здесь лежала слоями, как пепел после пожара. В углах колыхались призрачные занавеси паутины, настолько древней, что даже пауки ее покинули, поняв, что в этом доме больше нечего ловить. Протоптаные дорожки в пыли указывали, какие комнаты еще используются. Остальные погребены забвением, как сама память о былом величии.

Ох, зря она приняла приглашение. Зря.

В тронном зале было так же грязно, как и везде. На троне восседала вдовствующая баронесса Ульрация лю Матогра – женщина преклонных лет, бледная, как восковая фигура. Ее сморщенное лицо хранило следы былой красоты, как старая кираса – шрамы от ударов мечом.

Темно-зеленое платье сидело мешком и было заштопано в нескольких местах разноцветными нитками, но осанка... Осанка была гордой, величественной, будто она правила половиной Империи, а не ютилась в развалинах, забытая даже бродячими торгашами.

Ее седину венчала диадема с крупным сапфиром. В ушах блестели тяжелые серьги, на шее качался массивный золотой кулон – последние крохи бывшего величия. Видно, драгоценности значили для нее больше, чем целая крыша, – лишь они сверкали неестественно ярко в этом царстве тлена.

Гук торжественно прокашлялся, выпрямился, расправил плечи и провозгласил:

– Ваше благородие, баронесса лю Матогра, вас смиренно просит принять посланник особых поручений Триумвирата... Э...

– Баронесса Талагия лю Ленх, – подсказала странница, не скрывая раздражения.

– Да! Ее благородие баронесса Талагия лю Ленх! – закончил сенешаль и, отвесив легкий поклон, отступил в тень.

– Приветствую, дитя мое, – Ульрация кивнула медленно, с достоинством, едва заметно. Голос ее был тонким, как паутинка, но в нем звенела сталь. – Что привело тебя в мой дом?

Легат подавила смешок. Чего не отнять у знати – приверженность традициям. Будто эти слова могут остановить гниение стен или наполнить пустые сундуки золотом. Тех, чья история насчитывает пятьсот лет, осталось всего три рода.

Остальные – выскочки. Лю Матогра получили титул за осаду Аш-Назора, когда погиб прежний барон, не успев оставить наследника. Траутий, ее собственный супруг, был бароном всего в седьмом поколении. А род самой Талагии, лю Гионы – графы в двенадцатом. И связались лю Гионы и лю Ленхи лишь потому, что старый Хоратий Корабел, не к ночи будь он помянут, нарожал столько дочерей, что не знал, куда их девать, вот и втюхивал каждому встречному, не особо жадному до приданного.

– Ой, дамочка, давайте обойдемся без этого, – произнесла странница, голосом, в котором не было ни почтения, ни злобы – только усталость и раздраженность. – Вы не хуже меня знаете, что меня сюда привело. Я слишком устала и слишком хочу спать, чтобы играть в благородных девиц. Мне обещали ночлег, если я выслушаю вас. Так что – либо рассказывайте, зачем вам понадобился легат, либо я уйду. Прямо сейчас.

Показывая серьезность намерений, Талагия сделала шаг назад и развернулась вполоборота. Рука ее уже лежала на эфесе – не угрожающе, но как напоминание: я не гостья. Я – оружие, и мое терпение не бесконечно.

Хозяйка замка медленно провела взглядом по посланнице особых поручений, будто взвешивая ее на невидимых весах. Затем задумчиво пожевала губы, перебирая складки юбки бледными, костлявыми пальцами.

– Вина? – спросила она, голосом, все еще лелея надежду на светскую беседу.

– Так, я ухожу! – отрезала Талагия.

– Пойдите! – воскликнула лю Матогра, теперь в ее голосе прозвучала не просьба, а отчаяние. – Не покидайте меня. Мне в самом деле очень нужна ваша помощь!

– Ну?.. – легат остановилась, но не обернулась.

– Видите ли... каждую ночь меня посещает мой супруг...

– Ну... – протянула лю Ленх, наконец поворачиваясь. В уголках губ мелькнула усмешка, лишенная веселья. – В вашем возрасте это достойно восхищения. Мой супруг, наверное, тоже посещает кого-то каждую ночь. Но, к счастью, не меня.

– Да, – кивнула Ульрация, не услышав сарказма. – Но очевидно, что ваш супруг – жив. А мой почил уже как тридцать лет.

– Тогда... тогда это несколько странновато, – согласилась посланница особых поручений.

Точно! Сенешаль упоминал, что баронесса – вдовствующая! Как можно было забыть такую простую вещь? Усталость. Только усталость. И все же – впервые за долгое время – в голове мелькнула мысль: а не подкрадывается ли старость к самой Талагии? Легат резко прогнала из головы крамольную мысль, вместо этого вспомнив ту мучительную, липкую скуку, что накатывает, когда старики пускаются в воспоминания, как в их время небо было голубее, трава зеленее, а Империя – крепче и пахла не навозом, а розовой водой.

– Вы уверены, что это именно ваш супруг? – уточнила лю

Ленх.

– Вы что думаете – я своего Шарла не узнаю? – внезапно резко ответила старуха, вернув горделивую осанку. – Мы почти четверть века прожили душа в душу! Он пропал в походах, а я смиренно ждала в замке... О, каков был мой Шарл! Утром после свадьбы вскочил на коня, умчался на войну с орками и вернулся лишь спустя два года! Вы бы знали, милочка, сколь чудесным было то время!

– Не сомневаюсь, – зевнула Талагия, поборов желание прикрыть рот ладонью. – И где он сейчас?

– Не знаю, – беспомощно развела руками баронесса. – Бродит где-то вокруг замка...

Бродит. Бродит – это хорошо. Значит, не дух. Духов легат недолюбливала: бесплотные, скользкие, как масло, – против них сталь бессильна. Духа можно развеять только магией. А вот упырь, гуль, живой покойник – совсем другое дело. С такими странница знала, как обращаться.

– И вы уверены, что он мертв?

– Ох, милочка... – вздохнула Ульрация. – Был бы он жив – за тридцать лет, что он здесь шляется, хоть раз да нашел бы время зайти днем! Разумеется, он мертв!

– А вы понимаете, что я не могу его оживить? Только убить. Насовсем.

– Естественно, дитя мое. Именно этого я и хочу – чтобы Шарладий лю Матогра обрел вечный покой, как подобает уважаемому барону, а не околачивался по ночам, словно

нищий бродяга!

– Отлично, – выдохнула странница. – Порядок вы знаете: пишете заявку в Церетт, и через пару лет вам кого-нибудь пришлют. Главное – сами дождитесь...

– Зачем так долго ждать? – вмешался Гук. – Вы же здесь! Мы могли бы... договориться.

– То есть вы намерены подкупить имперского служащего? – вкрадчиво произнесла Талагия, ее губы против воли растянулись в хищном оскале. – А именно – меня, легата Триумвирата?

– Именно так, ваше благородие, – невинно улыбнулся сенешаль.

– Прелестно! – воскликнула она. – Это здорово меняет дело. Сто дукатов.

Улыбка застыла на лице мужчины. Глаза распахнулись, челюсть отвисла, будто он вдруг понял: перед ним не «деточка», не «милочка», и даже не «ваше благородие». Перед ним – посланница особых поручений, имперский чиновник, лишенный совести и сострадания, как голодный волк зимней стужей.

Он посмотрел на хозяйку – та отвела взгляд, будто внезапно увлеклась узором трещин на потолке.

А дамочка не так проста, как показалось сначала! Совершение преступления она полностью предоставила Гуку, самоустранившись, дабы, в случае чего, остаться с чистой совестью. И целой шкурой.

– Но у нас нет таких денег! – прошипел он.

– Нет денег – нет помощи, – пожала плечами Талагия. –

Утром я отправляюсь дальше. А вы тут... как-нибудь сами.

Она сделала шаг к двери. За спиной – тишина. Ни просьбы, ни угрозы. Только тяжелое дыхание старухи и скрип подошв слуги, слишком гордого, чтобы умолять, и слишком бедного, чтобы платить.

– Пойдите! – воскликнула лю Матогра.

Баронесса поднялась с кресла, чуть опираясь на резную ручку, но неуклонно сохраняя величественную осанку. Спустившись по ступеням, она приблизилась к гостье. Губы ее сжались в тонкую, белую нить, а глаза превратились в щелки, из которых сочилась ярость – та, что рождается, когда гордость сталкивается с нищетой. Пристально глядя на Талагию, Ульрация сняла с шеи цепочку с кулоном, вынула серьги из мочек и вложила все это в ладонь странницы.

– Этого достаточно?

Легат качнула рукой, оценивая вес и холод металла. Золото, тяжелое, настоящее, не позолота. Сапфиры – глубокие и синие, как Таррататское море. Бриллианты мелкие, но чистой воды. Работа – безупречная: только гномы способны вывести филигрань, что кажется сотканной из воздуха и лунного света. Такое не подделать.

И все же взгляд посланницы непроизвольно скользнул к руке баронессы – к перстню. Крупный арбузный турмалин, зеленый по краям и кроваво-бордовый в сердцевине, свер-

кал даже в этом угасающем свете, словно живой. Безумно редкий камень. Такие везли только из Чайлая, и даже там их добывали на тайных рудниках. И еще меньше мастеров решались их обрабатывать – материал капризный, нежный, как лепесток, готовый рассыпаться от неверного прикосновения.

– Добавьте еще колечко, – деловито предложила Талагия, сделав вид, что не осознает ценности перстня.

– Ни за что! – отрезала Ульрация, прикрыв кольцо с турмалином другой ладонью, будто защищая его. На мгновение в ее голосе прозвучало не упрямство, а боль – та, что не лечится ни снадобьями, ни временем. – Это самый первый подарок моего покойного Шарладия! Возьмете диадему?

– Сгодится, – неохотно согласилась странница.

– Значит, договорились? – вмешался Гук, забыв про приличествующий тон, и довольно потер ладони. – Сегодня же вы его... упокоите?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.